

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

КОНФУЦІЙ.

ЖИЗНЬ ЕГО И УЧЕНІЕ.

СОСТАВИЛЪ

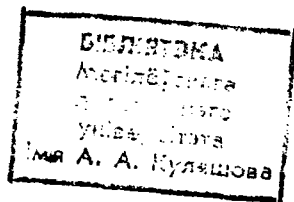
П. А. Буланже.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Н. Толстого.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

№ 761.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1910.

КОНФУЦІЙ.

ЖИЗНЬ ЕГО И УЧЕНИЕ.

Конфуцій.

ВВЕДЕНИЕ.

Жизнь и учение Конфуція.

Основателемъ одной изъ религій въ Китаѣ былъ Конфуцій. Религія эта считается самой распространенной въ мірѣ: въ Китаѣ насчитывается до 500 милліоновъ народу.

Родился Конфуцій въ 551 г. до Рождества Христова.

О жизни его сохранилось мало свѣдѣній. Сначала Конфуцій служилъ чиновникомъ и его очень цѣнили. Но отъ службы Конфуцій отказался очень скоро.—Когда ему было 22 года, въ домъ его стекалось много людей, прослышавшихъ объ его умѣ и образованности и желавшихъ поучиться. Молва о Конфуціи быстро распространилась по странѣ, и къ нему стали стекаться и знатный, богатый людъ, и правительственные чиновники, и бѣдняки. Правители китайскихъ областей, наслышавшись объ умѣ Конфуція, зазывали его къ себѣ, желая воспользоваться его совѣтами и произвести перемѣны въ управленіи своей областью. Но совѣты Конфуція оказывались не по сердцу правителямъ. Конфуцій говорилъ имъ, что хорошо управлять можетъ только тотъ, кто будетъ стараться служить Богу, будетъ стараться исправлять прежде всего самого себя, а затѣмъ будетъ служить народу, стараясь возвысить въ людяхъ божеское начало.

Китайскимъ вельможамъ не правилось такое учение, да и стали они опасаться, что если такіе взгляды Конфуція станутъ распространяться въ народѣ, то ихъ перестанутъ почитать и слушаться, перестанутъ и бояться.—Къ тому же Конфуцій относился равнодушно и къ обрядамъ исповѣдывавшейся тогда въ Китаѣ религіи. Китайцы вѣрили въ души умершихъ, служили имъ и для этого у нихъ было установлено множество обрядовъ. Конфуцій, когда его спрашивали, почему онъ относится равнодушно къ этимъ обрядамъ, отвѣчалъ: прежде чѣмъ думать объ умершихъ и служить имъ, надо думать и служить живымъ.

Все это повело къ тому, что когда взгляды Конфуція стали шире распространяться среди народа въ той области, гдѣ жилъ Конфуцій, правители изгнали его оттуда. Тогда Конфуцій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ учениковъ, сталъ переходить изъ одного мѣста въ другое. Но какъ только правители узнавали, что онъ появился въ ихъ области, они принимали тотчасъ же мѣры къ тому, чтобы или убить его или сдѣлать невозможнымъ общеніе его съ народомъ.—Друзья Конфуція и ученики его очень негодовали на то, что ихъ учителя не только не цѣнятъ, но и преслѣдуютъ. Конфуцій же всегда кротко и мудро утѣшалъ ихъ. Онъ говорилъ, что задача человѣка должна быть не въ томъ, чтобы его цѣнили другіе люди, а въ томъ, чтобы онъ почувствовалъ и любилъ самъ въ себѣ высшую жизнь; не важно, чтобы цѣнили и знали люди, а важно, чтобы зналъ Богъ.

Такъ Конфуцій до конца своей жизни скитался по разнымъ областямъ Китая и умеръ на 74 г. своей жизни, въ 478 г. до Р. Хр.

Конфуцій училъ людей тому, что каждый человѣкъ, прежде чѣмъ начать какое-нибудь дѣло въ своей жизни, долженъ узнать, для чего же онъ живетъ, долженъ

узнать смыслъ своей жизни. Каждый человѣкъ долженъ понять, что онъ созданъ не для того, чтобы только ѣсть и пить, а что въ немъ заложено божеское начало. И потому онъ прежде всего долженъ узнать волю Бога и стараться всѣми силами возвысить въ себѣ это божеское начало и стать высшимъ существомъ, мудрымъ человѣкомъ. Тогда онъ увидитъ, что всѣ люди братья, и, какъ бы ни была тяжела его матеріальная жизнь, онъ не будетъ тяготиться собою.—Всѣ люди одинаковы, во всѣхъ заложено божеское начало, и потому всѣ равны, всѣ люди братья, человѣкъ потому никогда не бываетъ одинокимъ.—И только одно есть средство возвышать въ себѣ божеское начало, это средство—любовь. Оно одинаково и для правителей и для подданныхъ, и для богатыхъ и для бѣдныхъ.—И когда люди поймутъ это, исчезнутъ всѣ различія между людьми, не будетъ ни знатныхъ, ни низкихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,—воцарится миръ на землѣ.

Ученіе Конфуція стало быстро распространяться въ народѣ, народъ началъ пробуждаться и видѣть тотъ обманъ, въ которомъ онъ жилъ до тѣхъ поръ. Китайскія власти увидали это и стали преслѣдовать ученіе Конфуція. Китайскій императоръ Тсингъ-чи-Хоангъ-ти издалъ въ 213 г. до Р. Х. указъ, которымъ предписывалось уничтожить всѣ книги, гдѣ излагалось ученіе Конфуція, а тѣхъ, кто пряталъ эти книги, казнить. Тысячи людей, придерживавшихся ученія Конфуція, были закопаны живыми въ землю или обезглавлены, десятки тысячъ были сосланы въ каторжныя работы. Правителямъ китайскимъ казалось, что они такимъ образомъ вырвали съ корнемъ неприятное имъ ученіе. Но они ошиблись. Такими насильственными мѣрами невозможно было

уничтожить то ученіе, корень котораго заложенъ въ душѣ каждаго человѣка.

Прошло еще сотни полторы лѣтъ, а ученіе Конфуція не только не заглохло, но стало пріобрѣтать все больше и больше послѣдователей. Новое жизнепониманіе захватывало и властвующихъ и народъ, и богатыхъ и бѣдныхъ. Насиліе не побѣдило его, а силу его подломили другія средства. Многіе властвующие и богатые люди, видѣвшіе разумность новаго ученія и принимавшіе его, старались толковать и измѣнять его такъ, чтобы оно не мѣшало ихъ жизни. Ученые люди стали подбавлять къ этому ученію то, что было писано до Конфуція и что онъ отрицалъ. Стали говорить, что Конфуцій не отрицалъ и прежней религіи и обрядовъ, а только старался немного ихъ исправить. Наконецъ, одинъ изъ китайскихъ императоровъ приказалъ ученымъ собрать священныя книги Китая. Ученые собрали разныя древнія книги, а также и тѣ книги, въ которыхъ излагалось ученіе Конфуція, и всѣ эти книги объявили священными. Мало того, объявили, что всѣ эти книги написаны Конфуціемъ. А въ этихъ книгахъ говорилось обо всемъ: и объ астрономіи, и о царствованіи самыхъ первыхъ царей, и объ обрядахъ и церемоніяхъ, бывшихъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, и т. п.

Начали прославлять Конфуція за его необыкновенную ученость, за то, что онъ написалъ столько книгъ и ввелъ столько обрядовъ. Стали строить храмы въ честь Конфуція, назначать людей, которые будто бы одни знали и могли разъяснить это трудное ученіе Конфуція.

Но между этими книгами сохранились и тѣ, въ которыхъ было изложено настоящее ученіе Конфуція, записанное его учениками. И слова Конфуція почитаются народомъ, который, благодаря его ученію, привыкъ быть кроткимъ, любовнымъ и трудолюбивымъ. Европейцы, которые наѣзжали въ Китай,

удивлялись на жизнь китайскаго народа. Жизнь эта совсѣмъ другая, чѣмъ жизнь европейцевъ, особенно тамъ, гдѣ меньше бываетъ европейцевъ. Хотя тамъ очень мало властей и войска, тамъ преступленій гораздо меньше, чѣмъ у европейцевъ.

Китаецъ Ку-Хуигъ-Мингъ говоритъ, что это оттого, что китайцы тамъ вѣрятъ въ настоящее ученіе Конфуція, и потому мало тамъ и преступленій, и потому не нужно тамъ ни войска, ни полиціи...

Прошло послѣ смерти Конфуція почти 2400 лѣтъ. Къ ученію Конфуція, къ его словамъ прибавлено за это время много посторонняго, несогласнаго и совершенно противнаго ему. Трудно было опредѣлить, что именно говорилъ Конфуцій, а что осталось отъ другихъ и приписано ему. Но явились добросовѣстные ученые, стали изслѣдовать священныя книги, приписанныя Конфуцію, изучать старину и доказали, что Конфуцій ничего самъ не писалъ. Доказали также и то, что ученіе Конфуція, записанное его учениками и учениками его учениковъ, сохранилось только въ трехъ книгахъ. Книги эти: *Великая Наука*, *Ученіе о Сердцѣ* (или правильнѣе „Ученіе о жизни“) и *Разговоры Конфуція*, и послужили для составленія настоящей книжки.

I. О Богѣ.

Высшая цѣль жизни человѣка заключается въ томъ, чтобы отыскать и осуществить въ жизни волю Бога, законъ Его, т.-е. проявлять истинную, нравственную сущность нашего я (Уч. о Серединѣ II, 2).

Воля Бога это—то, что мы называемъ закономъ нашей жизни. Выполненіе закона нашей жизни и есть то, что мы называемъ нравственной, истинной жизнью. Когда законы нашей жизни собраны въ порядокъ, излагаются въ послѣдовательности,—это и есть то, что мы зовемъ религіей (Уч. о Серединѣ I, 1).

Въ нашей жизни мы не должны отступать ни на мигъ отъ воли Бога, Его закона. Тотъ законъ, отъ котораго можно было бы уклониться, уже не есть законъ. Вотъ почему нравственный, разумный человѣкъ тщательно слѣдитъ за тѣмъ, что не поддается его зрѣнію, боится и остороженъ въ томъ, чего не можетъ уловить его ухо (Уч. о Серединѣ I, 2).

Просвѣщенный человѣкъ, познавъ многое, примѣняетъ къ жизни своей только то, что согласуется съ заложенымъ въ немъ божескимъ началомъ, съ внутреннимъ свѣтомъ его разумѣнія (Разговоры VI, 25),

Ремесленникъ, если хочетъ хорошо исполнить свою работу, сначала старается отточить свой инструментъ. Подобно этому и вы старайтесь прежде всего поднять въ себѣ божественное начало, общайтесь съ мудрыми и добрыми, ищите себѣ друзей между людьми добродѣтельными (Разговоры XV, 9).

Когда ученики спросили Конфуція, въ чемъ состоитъ его ученіе, онъ сказалъ: ученіе мое—это вѣра въ божеское начало, заложенное въ насъ, и любовь къ ближнему (Разговоры IV, 15).

Истинный путь или законъ Бога, по которому должно жить, не находится далеко отъ людей. Если люди создаютъ себѣ правила, законы, пути жизни, которыя далеки отъ самыхъ простыхъ разсужденій ихъ разума, то эти пути нельзя считать истинными (Уч. о Серединѣ XIII).

Конфуцій какъ-то воскликнулъ: какъ бы хотѣлъ я не говорить!—Одинъ изъ его учениковъ Тсу-Кунгъ замѣтилъ на это: если бы вы, учитель, не говорили, какъ бы мы могли передать ваше ученіе потомству?—А развѣ Богъ говоритъ?—отвѣчалъ Конфуцій.—А тѣ, кто этого хочетъ, понимаютъ Его (Разговоры XVII, 19).

Какъ удивительно, какъ чудесно можетъ развернуть и проявить человѣкъ заложенный въ немъ небесный даръ! Мы ищемъ его и не видимъ, прислушиваемся и не слышимъ, а между тѣмъ эта божеская сущность проникаетъ во все существующее, ничто не можетъ быть безъ нея (Уч. о Серединѣ XVI).

Тѣ средства, которыя употребляются для возрожденія человѣчества и заключаютъ въ себѣ много шума и показного, никуда не годятся. То, что дѣлаетъ Богъ, дѣлается безъ шума, а выше этого нѣтъ ничего въ мірѣ (Уч. о Серединѣ XXXIII).

Если бы страной управлялъ правитель, старавшійся возвысить въ себѣ божеское начало, то не прошло бы и ста лѣтъ, какъ въ такой странѣ исчезли бы преступленія и не было бы слышно о казняхъ (Разговоры XIII, 11).

Небо, создавъ все существующее, воздаетъ каждому должное, сообразно съ его природой: дерево расцвѣтаетъ, Небо его кормитъ и раститъ плодъ; дерево засыхаетъ, умираетъ, и Небо уничтожаетъ его (Уч. о Серединѣ XVII, 3).

II. Благо, смыслъ жизни.

Самое главное въ жизни—это знать смыслъ ея, цѣль, къ которой мы должны стремиться, истинное наше назначеніе,— и потомъ уже принимать рѣшеніе, какой избрать себѣ путь.— Когда будетъ принято такое рѣшеніе, тогда только можно обладать душевнымъ спокойствіемъ.— Когда духъ спокоенъ и невозмутимъ, человѣкъ будетъ обладать тѣмъ счастьемъ и благомъ, которыхъ ничто не въ состояніи будетъ нарушить.— Тогда только человѣкъ можетъ размышлять о сущности вещей и составлять правильно свои сужденія. А размышляя о сущности вещей и составляя правильно свои сужденія, можно достигнуть и того совершенства, къ которому всѣмъ свойственно стремиться (Великая Наука III).

И для человѣка самаго знатнаго, стоящаго наверху, и для человѣка самаго простаго, стоящаго внизу, есть только одна обязанность въ жизни: исправлять, улучшать самого себя. Въ этомъ—основа жизни, въ этомъ—источникъ всеобщаго блага (Великая Наука VI).

Если человѣкъ услышитъ утромъ, въ чемъ заключается смыслъ жизни, то безъ сожалѣнія можетъ умирать въ тотъ же день (Разгов. IV, 8).

Человѣкъ можетъ отказаться отъ обладанія царствомъ, можетъ отказаться отъ почестей и богатствъ, можетъ свести свою жизнь къ самой нищенской и грубой,—и при всемъ

этомъ можетъ не найти истиннаго смысла своей жизни (Уч. о Серединѣ IX).

Кто интересуется узнать, въ чемъ смыслъ жизни и стыдится своего дурнаго платья, стыдится ѣсть простую, бѣдную пищу, тотъ не готовъ къ познанію (Разгов. IV, 19).

Тотъ, кто возлюбилъ истину, лучше того, кто только знаетъ ее. Тотъ, кто находитъ свое высшее благо въ истинѣ, лучше того, кто только любитъ ее (Разгов. VI, 18).

III. О религіи.

Какъ бы ни казалась хорошей религія, опирающаяся на сверхъестественное, такая религія не можетъ быть провѣрена разумомъ. А то, что не можетъ быть провѣрено разумомъ, не можетъ быть предметомъ истинной и твердой вѣры. А то, что не можетъ быть предметомъ истинной и твердой вѣры, не можетъ быть и руководствомъ поступковъ.

Точно такъ же, какъ бы ни казалась хорошей религія, опирающаяся на мірскую власть, такая религія не можетъ быть уважаема. А то, что не можетъ быть уважаемо, не можетъ быть и предметомъ истинной и твердой вѣры. А то, что не можетъ быть предметомъ истинной и твердой вѣры, не можетъ быть и руководствомъ поступковъ.

А потому религія должна быть согласована съ разумомъ человѣка и подлежить провѣркѣ здраваго смысла. Такая религія, при сравненіи ея съ ученіями признанныхъ и мудрыхъ людей древности, должна быть согласна съ этими ученіями, должна быть согласна и съ законами физической природы, не представляя никакихъ противорѣчій съ этими законами. Такъ что если бы человѣку, исповѣдующему такую религію, пришлось выдерживать борьбу со всѣми силами вселенной, онъ, нисколько не колеблясь, всегда будетъ въ состояніи держаться того, во что онъ вѣритъ (Уч. о Серединѣ XXIX).

IV. О любви.

Любовь—это то, въ чемъ проявляется наша божественная сущность. Любовь—это начало и конецъ нашего существованія. Безъ любви нѣтъ жизни. Потому-то любовь есть то, передъ чѣмъ преклоняется мудрый человѣкъ (Уч. о Серединѣ XXV).

Тсу-Кунгъ спросилъ Конфуція, есть ли такое слово, которое можно было бы поставить въ основу всѣхъ поступковъ людей. Конфуцій отвѣчалъ: есть такое слово, и это слово *шу*, которое означаетъ то, чтобы не дѣлать другимъ того, чего не желаешь себѣ (Разгов. XV, 23).

Когда желанія чисты и проникнуты любовностью, сердце становится правдиво и прямо. А когда сердце становится правдиво и прямо, человѣкъ исправляется и становится лучше. А когда человѣкъ исправляется и становится лучше, то и въ семьѣ устанавливается порядокъ. А когда въ семьѣ устанавливается порядокъ, то и въ странѣ устанавливается благоустройство. А когда въ странѣ устанавливается благоустройство, то устанавливается миръ и согласіе во всей вселенной (Велик. Наука V).

Только тотъ, кто обладает безусловной любовью, можетъ проникнуть въ сущность закона своей жизни. Тотъ, кто способенъ проникнуть въ сущность закона своей жизни, будетъ способенъ проникнуть въ сущность закона жизни и другихъ людей. А проникнувъ въ сущность законовъ жизни своей и

жизни другихъ людей, онъ будетъ въ состояніи проникнуть въ сущность законовъ физической природы. Тотъ, кто будетъ въ состояніи проникнуть въ сущность законовъ природы, будетъ въ состояніи воздѣйствовать на созидательныя силы вселенной. Тотъ же, кто будетъ въ состояніи воздѣйствовать на созидательныя силы вселенной, соединится во единое съ силами вселенной (Уч. о Серединѣ XXII).

Тотъ, кто воспитываетъ въ себѣ свои лучшія основныя свойства и старается проявить ихъ, вѣря въ любовь, тотъ не далекъ отъ истиннаго пути, т.-е. знанія закона духовной жизни (Уч. о Серединѣ XIII, 3).

Какъ ни на что не нужны были бы ни быки, ни лошади, ни телѣги, ни сани безъ ярма или хомута, такъ ни на что не нуженъ бываетъ для жизни людей человекъ безъ любви къ своимъ ближнимъ (Разгов. II, 22).

Только тотъ человекъ, который живетъ любовью, можетъ устроить отношенія людей, можетъ установить истинные законы нравственности и понять законы мірозданія (Уч. о Серединѣ XXXII).

Всѣ люди рождены для того, чтобы быть добрыми. Если человекъ не добръ, то это уродство (Разгов. VI, 17).

V. О добродѣтели и мудрости.

Мудрость жизни въ томъ, чтобы сознать въ себѣ и возвысить свѣтлое начало разумѣнія, которое всѣ мы получили отъ Бога. Мудрость жизни въ томъ, чтобы обновлять людей, уча ихъ тому, что высшее ихъ благо—въ раскрытіи этого божескаго начала, во все большемъ и большемъ совершенствованіи (Великая Наука I).

Йенъ-Йюангъ спросилъ Конфуція: что такое совершенная добродѣтель? Конфуцій сказалъ: высшая, совершенная добродѣтель въ томъ, чтобы подчинить себя волѣ Бога, владѣть собой въ этомъ своемъ состояніи и стремиться къ истинной жизни. Истинная добродѣтель не является у человѣка извнѣ, не зависитъ отъ другихъ, источникъ ея—въ сердцѣ каждаго человѣка.

Какое же практическое правило можно вывести изъ этого?—спросилъ дальше Йенъ-Йюангъ. Конфуцій сказалъ: пользуйтесь своими чувствами зрѣнія, слуха, пользуйтесь своей рѣчью только тогда, когда подчиняетесь голосу высшаго разумѣнія (Разговоры XII, 1).

Фангъ - Чи спрашивалъ, въ чемъ мудрость. Конфуцій сказалъ: въ общеніи съ людьми ставьте цѣлью свою праведность; къ тому, чего разумъ вашъ обнять и понять не можетъ, относитесь съ почтеніемъ, но держитесь подальше,—въ этомъ мудрость (Разговоры VI, 20).

Мудрый, высшій человѣкъ обладаетъ тремя добродѣтелями:

онъ—истинно любовень и потому свободень отъ заботъ; онъ—истинно мудръ и потому свободень отъ заблужденій; онъ—истинно мужественъ и потому свободень отъ страха (Разгов. XIV, 30).

Изъ устъ добродѣтельнаго человѣка исходятъ и добродѣтельные слова, но это не значить, что если кто говорить добродѣтельные слова, то онъ и добродѣтеленъ. Добродѣтельный человѣкъ навѣрное обладаетъ и мужествомъ, но это не значить, что если кто мужественъ, то онъ и добродѣтеленъ (Разгов. XIV, 5).

Изъ дома выходятъ только черезъ двери. Такъ и въ жизни нужно бы выходить только черезъ двери добродѣтели (Разгов. VI, 15).

Добродѣтель никогда не остается одинокой, ею всегда заражаются сосѣди (Разгов. IV, 25).

Добродѣтель не далека отъ насъ. Стоитъ только пожелать быть добродѣтельнымъ, и она уже тутъ—и подлѣ насъ, и въ самихъ насъ (Разгов. VII, 29).

VI. О поведеніи.

Во всякомъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ отъ степени готовности къ дѣлу: безъ подготовки къ дѣлу можно заранѣе предвидѣть неудачу. Если бы мы заранѣе обдумывали то, что хотимъ сказать, мы не испытывали бы затрудненій въ рѣчи. Если бы заранѣе обдумывали свои занятія, мы не испытывали бы никакихъ затрудненій. Если бы заранѣе обдумывали свои поступки, не испытывали бы душевныхъ волненій. Если бы мы заранѣе обдумывали и понимали смыслъ и цѣль жизни, жизнь наша всегда была бы полна разумнаго смысла (Уч. о Серединѣ XXI, 16).

Тсу-Лу спрашивалъ Конфуція, какъ долженъ поступать мудрый человѣкъ. Конфуцій сказалъ: онъ долженъ воспитывать себя такъ, чтобы уважать себя въ собственныхъ глазахъ.—И это все?—спросилъ Тсу-Лу.—Нѣтъ,—онъ долженъ воспитывать себя еще и такъ, чтобы давать счастье другимъ людямъ. И это все?—Нѣтъ,—онъ долженъ воспитывать себя еще такъ, чтобы содѣйствовать мирной жизни людей (Разговоры XIV, 45).

Въ обыденной, повседневной жизни пользуйтесь всякимъ случаемъ и возможностью совершенствоваться. Когда вамъ приходится много сказать, говорите меньше, чѣмъ нужно; слова должны соответствовать поступкамъ, а поступки словамъ (Уч. о Серединѣ, XIII).

Безъ самосовершенствованія и вѣжливости становится

гнетомъ, благоразуміе вырождается въ трусость, мужество въ насильничество и горячность въ грубость (Разговоры VIII, 2).

Плотникъ, вытесывающій топориче, имѣетъ передъ собой образецъ того, что дѣлаетъ. Взявъ въ руки топориче того топора, которымъ онъ тенетъ, онъ смотритъ на него и съ той и съ другой стороны. И послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ новое топориче, разсматриваетъ ихъ оба, чтобы видѣть, насколько они сходны. Такъ поступаетъ и мудрый человѣкъ: онъ [видитъ передъ собой основной, нравственный законъ жизни и съ нимъ сообразуетъ свою жизнь.—Когда человѣкъ проявляетъ любовь и благоволеніе, то онъ не далекъ отъ истиннаго пути жизни.—Мудрый не дѣлаетъ другимъ того, что онъ не желаетъ, что бы ему сдѣлали (Уч. о Серединѣ XIII).

Путь человѣка, живущаго высшей духовной жизнью, можно уподобить путешествію въ далекую страну: надо пройти сначала ближайшее мѣсто. Путь этотъ можно уподобить также восхожденію на гору: надо начинать съ подошвы горы (Уч. о Серединѣ XV).

Въ старину люди долго размышляли, прежде чѣмъ высказать свою мысль: они боялись, чтобы поступки ихъ не противорѣчили словамъ ихъ (Разговоры IV, 22).

Тотъ, кто много требуетъ отъ себя и мало отъ другихъ, обезпечиваетъ себя отъ ненависти другихъ (Разгов. XV, 14).

За несправедливость платите справедливостью, за добро—добромъ (Разговоры XIV, 36).

Работай надъ очищеніемъ твоихъ мыслей. Если у тебя не будетъ дурныхъ мыслей, не будетъ и дурныхъ поступковъ.

Будь всегда внимателенъ къ тому, что дѣлаешь, и ничего не считай недостойнымъ вниманія.

Владѣть собою настолько, чтобы уважать другихъ какъ самого себя и поступать съ ними такъ, какъ мы желаемъ, чтобы съ нами поступали,—вотъ правильный путь жизни, истинное поведеніе (Разг.).

VII. О мудромъ, духовномъ человѣкѣ.

Жизнь мудраго, нравственнаго человѣка—это осуществленіе на землѣ закона жизни, воли Бога. Жизнь обыкновеннаго, темнаго человѣка—это проявленіе незнанія этого мірового закона жизни (Уч. о Серединѣ II, 1).

Внѣшняя жизнь человѣка духовнаго ничѣмъ не бросается въ глаза, и тѣмъ не менѣе она все болѣе и болѣе растетъ все болѣе и болѣе прекрасна. А жизнь обыкновеннаго человѣка всегда бросается чѣмъ-нибудь въ глаза, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше она теряетъ въ своемъ значеніи, пока не сойдетъ совсѣмъ на ничтожество.

Жизнь мудраго, духовнаго человѣка проста и обыденна и въ то же время привлекательна; она груба, но преисполнена изящества; она легка, но въ ней все разсчитано.

Мудрый знаетъ, что совершеніе великихъ дѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы хорошо дѣлать малое. Онъ знаетъ, что отъ незначительныхъ причинъ проистекаютъ значительныя слѣдствія.

Мудрый знаетъ важность того, что не поддается воспріятію нашимъ чувствамъ. Онъ знаетъ, что это даетъ ему возможность вступить въ высшій міръ, въ высшую жизнь. И потому мудрый человѣкъ тщательно изслѣдуетъ свое сердце, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ему не за что было упрекнуть себя, за тѣмъ, чтобы не было у него въ умѣ дурныхъ мыслей.

Превосходство мудраго человѣка надъ другими людьми заключается въ томъ, что онъ видитъ то, чего другіе не могутъ видѣть. Мудрый человѣкъ бываетъ поэтому сосредоточенъ даже и тогда, когда онъ ничего не дѣлаетъ, бываетъ правдивъ и тогда, когда онъ ничего не говоритъ.

А потому духовный, нравственный человѣкъ дѣлаетъ добро людямъ и не ждетъ за это награды и одобренія; не показывая малѣйшаго гнѣва, онъ приводитъ людей въ ужасъ и содроганіе гораздо сильнѣе, чѣмъ сдѣлали бы это самыя жестокия пытки. И потому духовный человѣкъ, живя только простой, правдивой, любовной жизнью, вноситъ миръ и согласіе въ жизнь людей (Уч. о Серединѣ XXXIII).

Мудрый человѣкъ все необходимое ему ищетъ въ себѣ же, а темный человѣкъ—въ другихъ (Разг. XV, 20).

Для мудраго человѣка нѣтъ ничего болѣе очевиднаго, какъ то, что скрыто въ тайникахъ его души, ничего нѣтъ болѣе открытаго для него, какъ самыя тонкія, невидимыя причины дѣйствій. И потому мудрый человѣкъ внимательно трудится надъ тайными влеченіями души, видимыми только для него одного (Уч. о Серед. I, 3).

Мудрый человѣкъ сообразуется съ обстоятельствами своей жизни, онъ не желаетъ ничего того, чего нѣтъ въ его положеніи. Если онъ окажется въ положеніи богатаго и знатнаго человѣка, онъ живетъ такъ, какъ живетъ богатый и знатный человѣкъ. Если онъ окажется въ бѣдности, въ низкомъ положеніи, то и живетъ, какъ живутъ люди, находящіеся въ бѣдности и въ низкомъ положеніи. Если онъ окажется въ дикой странѣ, то живетъ такъ, какъ живутъ дикари. Если онъ окажется въ опасности и въ затрудненіяхъ, то онъ и поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы человѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Однимъ словомъ, для мудраго человѣка нѣтъ такого положенія, въ которомъ бы онъ не былъ господиномъ надъ собой.

Занимая высокое положеніе, мудрый не старается показать этого передъ людьми, ниже его стоящими. Будучи въ положеніи подчиненномъ, онъ не заискиваетъ у выше себя стоящихъ (Уч. о Серединѣ XIV).

Мудрый человѣкъ полагаетъ главное дѣло жизни въ томъ, чтобы познать смыслъ жизни,—обыкновенный же, темный человѣкъ полагаетъ главное дѣло жизни въ томъ, чтобы накопить побольше денегъ (Разговоры IV, 11).

Просвѣщенный, мудрый человѣкъ всегда старается помочь проявленію лучшихъ свойствъ у другихъ людей; темный человѣкъ поступаетъ наоборотъ (Разговоры XII, 16).

Мудрый человѣкъ старается исправить свою личную жизнь, строгъ къ себѣ и ничего не требуетъ отъ другихъ. Онъ не ропщетъ на Бога, не обвиняетъ другихъ за свою участь и не раздражается на людей (Уч. о Серединѣ XIV).

Истинно мудрый человѣкъ не оставляетъ пути добродѣтели ни на одинъ мигъ. Во времена бурь и испытаній онъ остается на этомъ пути такимъ же твердымъ, какъ всегда (Разговоры IV, 5).

Мудрый, высшій человѣкъ старается понять и примѣниться къ другимъ, но не раболѣпствуетъ; темный же—раболѣпствуетъ, но не старается понять другихъ (Разговоры XIII, 23).

Истинно мудрый человѣкъ не имѣетъ ни влеченія, ни отвращенія къ чему-нибудь. Единственное, что влечетъ его, это—истинная высшая жизнь (Разговоры IV, 10).

Тсу-Хунгъ спросилъ у Конфуція, что такое мудрый человѣкъ. Конфуцій сказалъ: мудрый человѣкъ это тотъ, кто говоритъ только то, что является слѣдствіемъ его дѣлъ, жизни; говоритъ только то, что онъ примѣняетъ уже въ своей жизни (Разговоры II, 13).

Духовный человѣкъ спокоенъ и свѣтелъ, лишенный же мудрости—возбужденъ и мраченъ (Разговоры VII, 36).

Мудрый человекъ остороженъ и медлителенъ въ словахъ. Онъ знаетъ, что если трудно бываетъ рѣшить, какъ надо правильно поступить, то такъ же трудно бываетъ рѣшить, какъ правильно сказать (Разговоры XII, 3).

Духовный человекъ благороденъ, но не гордъ; темный человекъ гордъ, но не благороденъ (Разг. XIII, 26).

Если вы отказываете наставить кого-нибудь, когда тотъ готовъ понять васъ, то вы теряете человекъ. Если вы наставляете того, кто не способенъ понять васъ, то вы теряете слова. Тотъ человекъ мудръ, кто не теряетъ ни людей, ни словъ (Разг. XV, 7).

VIII. Ошибки и заблужденія.

Зло ошибки не въ томъ, что она бываетъ, а въ томъ, что люди, сдѣлавъ ошибку, не стараются исправить ее (Разговоры XV, 29).

Когда видите хорошаго человѣка, подумайте о томъ, какъ бы вамъ подражать ему, а когда увидите дурного,—загляните въ свое собственное сердце, нѣтъ ли и въ васъ того, что вы видите въ этомъ дурномъ человѣкѣ (Разговоры IV, 17).

Тсу-Кунгъ спрашивалъ Конфуція, можетъ ли быть мудрому человѣку противно что-нибудь? Конфуцій отвѣчалъ: ему противны тѣ, кто кричатъ объ ошибкахъ другихъ; противны люди, находящіеся въ низшемъ положеніи, когда они завидуютъ и бранятъ людей, занимающихъ высшее положеніе; ему противны дерзкіе люди, не умѣющие владѣть собой; противны люди, не разсуждающіе о томъ, что они дѣлаютъ. Мнѣ,—добавилъ Конфуцій,—кромѣ того, противны тѣ, кто занимается мудростью только изъ любопытства, противны тѣ, кто вмѣшивается въ чужія дѣла, противны люди дерзкіе, думающіе, что они мужественны (Разгов. XVII, 24).

Есть такіе ростки пшеницы, которые никогда не станутъ колосьями, и есть такіе колосья, которые никогда не дадутъ зерна (Разговоры IX, 21).

Когда стрѣла не попадаетъ въ цѣль, стрѣляющій винить въ этомъ себя самого, а не другого. Такъ поступаетъ и мудрецъ (Уч. о Серединѣ XIV, 5).

Есть три ошибки въ общеніи людей между собою: первая, это—желаніе говорить прежде, чѣмъ это нужно; вторая—застѣнчивость: не говорить, когда это нужно; третья—говорить, не наблюдая за вашимъ слушателемъ (Разговоры XVI, 6).

Люди по внѣшности серьезные и важные, а внутри пустые и слабые,—это самый низшій разрядъ людей; такіе люди подобны ворамъ, прокрадывающимся ночью въ дома людей (Разговоры XVII, 12).

Правитель одной области жаловался на то, что у него въ области много воровъ, и просилъ совѣта, какъ избавиться отъ нихъ. Конфуцій сказалъ: если бы вы обуздали свою жадность, то у васъ не было бы и воровъ. Люди не стали бы воровать и тогда, если бы вы предлагали награду за воровство (Разгов. XII, 18).

Тамъ, гдѣ есть истинная просвѣщенность, нѣтъ сословныхъ различій (Разг. XV, 38).

Не можетъ быть, чтобы изъ того, въ основѣ чего безпорядокъ и путаница, могли бы выйти послѣдствія такія, какія бываютъ только тогда, когда основа въ порядкѣ (Вел. Наука VII).

IX. Ученіе о жизни, записанное учениками въ книгѣ „Разговоры Конфуція“¹⁾.

Ученіе мое очень просто, въ немъ нѣтъ ничего непонятнаго, никакихъ тайнъ, ничего такого, что я желалъ бы скрыть, или что открылъ бы только самымъ близкимъ и любимымъ мною. Все ясно и просто (VII, 23).

Все мое ученіе заключается только въ томъ, чтобы быть вѣрными заложенному въ насъ божескому началу и любить людей (IV, 15). Любите всѣхъ людей, зная, что и преступниковъ надо жалѣть (XII, 22).

Не думайте, что братья ваши только тѣ, кто братья ваши по крови,—всѣ люди братья. Не печальтесь, не горюйте, что вы одиноки, всѣ люди—ваши братья, вы не одни (XII, 51).

Небо дало намъ высшую жизнь, тотъ источникъ жизни, который никто отвести отъ насъ не можетъ, ту жизнь, погубить которой никто не можетъ. И потому не надо бояться людей, желающихъ погубить насъ. Эти люди не могутъ погубить той жизни, которую не они дали. Но если вы захотите сами погубить свою жизнь, то этого никто исправить не можетъ (III, 13).

Будьте вѣрны источнику жизни, очищайте его русло, и вы сдѣлаете гораздо больше, чѣмъ все то, что вы можете мечтать сдѣлать (XV, 28).

1) Послѣ cadaго извлеченія приведены въ скобкахъ римскими цифрами книга „Разговоры“, а арабскими глава книги.

Не желайте и не дѣлайте тѣмъ людямъ, съ которыми вы сталкиваетесь, того, чего вы не желали бы себѣ и не желали бы, чтобы вамъ дѣлали (XV, 23; X, 11). Если васъ обидятъ, оскорбятъ, унижатъ,—будьте все-таки справедливы къ поступившимъ такъ, старайтесь понять, почему они такъ сдѣлали.

Если вы видите въ другомъ худое, низшее, противное тому, что свойственно высшему существу,—не судите его, а взгляните внутрь себя и вы, можетъ-быть, отыщете у себя то же самое и поймете, что вамъ прежде всего надо освободиться отъ дурного, что въ васъ самихъ. А это въ вашей власти. А если увидите въ другомъ высшее, доброе, святое,—старайтесь пересадить это высшее въ себя.

Будьте справедливы, поймите обижающихъ васъ. Сдѣлавшимъ же вамъ добро воздавайте добромъ.

Самое главное—помните, что въ насъ заложено, живетъ высшее существо (I, 14).

И, какъ духовное существо, отрѣшайтесь отъ земного. Не въ земномъ найдете путь и руководство, а только въ божественномъ, небесномъ (XX, 3).

Почитайте небесное. И, почитая небесное, знайте, что оно заложено въ васъ. Не во внѣ, не во внѣшнемъ ищите его, а внутри себя, въ сердцѣ своемъ, въ своей совѣсти (XV, 20).

Свойства и назначеніе духовнаго существа заключаются вовсе не въ томъ, чтобы жить въ богатомъ домѣ и ѣсть въ изобиліи. Живите бѣдно, но будьте свободны, независимы, чтобы не быть рабами своихъ привычекъ (I, 15).

Не во внѣшнемъ положеніи сущность жизни человѣка, а сущность жизни человѣка въ томъ, какъ онъ относится къ себѣ (XV, 31). Посмотрите на нашего же товарища X.: онъ нищъ, а мудръ и доволенъ (VI, 9).

Укрѣпляйте въ себѣ корень, основу жизни, которая не зависитъ отъ внѣшняго, и вы приблизитесь къ тому совер-

шенству высшаго существа, къ которому естественно стремиться всѣмъ людямъ (XV, 31).

И когда вы поймете, что истинное благо, смыслъ жизни— внутри васъ, тогда вы сами станете высшимъ существомъ, т.-е. будете и добродѣтельны, и мудры, и мужественны.

Только добродѣтельный человѣкъ свободенъ отъ печали и огорченій, только мудрый свободенъ отъ всякихъ затрудненій и только мужественный свободенъ отъ всякаго страха.

Какая печаль, какое огорченіе можетъ быть у добродѣтельнаго человѣка, если онъ любить Небо и своего ближняго? Какое затрудненіе можетъ быть у мудраго, если онъ постигъ смыслъ жизни? И какой страхъ можетъ быть у мужественнаго, если онъ знаетъ, что все у него внутри правильно и сердце его чисто? (XIV, 30; XV, 18; XII, 4.)

Духовный человѣкъ никогда не испытываетъ неудовлетворенности, потому что онъ не зависитъ отъ другихъ. Все, что ему нужно,—всегда у него, потому что онъ ищетъ только того, что въ немъ (XV, 20).

Легко узнать духовнаго человѣка. Такой человѣкъ и въ другихъ видитъ то же, что заложено въ немъ (V, 15).

Духовный человѣкъ въ отношеніяхъ своихъ съ людьми смиренъ и любовенъ, но не льстивъ; почителенъ, но сохраняетъ все свое достоинство; серьезенъ, но не гордъ; общителенъ со всѣми, а не принадлежитъ къ одному какому-нибудь толку (XIII, 23; XIII, 26; XV, 21). Соприкасаясь съ другими, онъ неизбѣжно улучшаетъ ихъ, возвышаетъ лучшее въ нихъ (XII, 16). Даже среди дикарей онъ свѣтитъ тѣмъ же свѣтомъ и возвышаетъ ихъ,—нѣтъ той среды, гдѣ бы онъ не оказалъ своего благотворнаго вліянія (IX, 13).

Но, чтобы стать истинно духовнымъ человѣкомъ, надо полюбить истину и надо находить удовольствіе и радость въ постоянномъ исканіи ея, въ постоянномъ ученіи и упражненіи (I, 1).

Какъ для постройки насыпи важна каждая горсточка земли, такъ и для достиженія добродѣтели необходимо ежедневное изученіе не съ цѣлью получить одобреніе людей, а съ цѣлью самосовершенствованія (IX, 18; XIV, 25).

Молча надо копить въ себѣ знанія, прислушиваясь ко всему и отстраняя все то, что сомнительно,—присматриваясь ко всему и отдаляясь ото всего того, что пагубно для души (VII, 2; II, 18).

Только тотъ будетъ истинно просвѣщеннымъ, кто пищу свою будетъ видѣть въ истинѣ (XV, 32). Тотъ же, кто будетъ заботиться только о тѣлѣ, объ удобствахъ жизни, о хорошей пищѣ, о богатой одеждѣ,—кто будетъ бояться бѣдности и видѣть въ ней несчастіе и стыдъ для себя, тотъ непросвѣщенный, темный человекъ (XIV, 3; IV, 9).

И потому просвѣщенный человекъ добръ, полонъ благоволенія. Онъ такъ устраиваетъ свою жизнь, чтобы она не была вредна другимъ (XV, 8). Не о выгодахъ своихъ онъ будетъ думать, а о благѣ людей, и для этого блага онъ и жизнь свою готовъ будетъ принести въ жертву (XIX, 1).

И только тогда, когда станутъ люди просвѣщенными, уничтожится различіе между ними и не будетъ тогда богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и низкихъ (XV, 37).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение. Жизнь и учение Конфуція	5
Глава I. О Богѣ	10
„ II. Благо, смыслъ жизни	12
„ III. О религіи	14
„ IV. О любви	15
„ V. О добродѣтели и мудрости	17
„ VI. О поведеніи	19
„ VII. О мудромъ, духовномъ чловѣкѣ	21
„ VIII. Ошибки и заблужденія	25
„ IX. Ученіе о жизни	27

Электронный архив Библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова